

ДЕТСКИЕ ГОДЫ

В старой энциклопедии сказано, что городок Немиров на Украине - это небольшой населенный пункт Брацлавского уезда Подольской губернии, что в нем имеются гимназия, один винокуренный и два колокольных завода. После Богдана Хмельницкого городок этот переходил то к полякам, то к туркам, поэтому состав его населения был самый пестрый. К концу прошлого века в Немирове насчитывалось 5419 жителей, а в начале века их было, надо полагать, и того меньше.

В этом захолустном местечке, расположенном на юго-западе России, в непосредственной близости от тогдашней русско-польской границы, суждено было родиться Некрасову.

Отец поэта, помещик Алексей Сергеевич Некрасов (1788-1862), служил в чине поручика в 28-м егерском полку, стоявшем в городке Литин Подольской губернии. В 1817 году, вероятно, на одном из традиционных офицерских балов, куда нередко приглашались окрестные помещики, он познакомился с дочерью украинского дворянина Андрея Семеновича Закревского, занимавшего тогда пост капитан-исправника Брацлавского уезда. Известно, что Закревский одно время владел довольно большим имением в местечке Юзвин (того же уезда) с приписанными к нему шестью деревнями, были у него и другие владения.

Вскоре семнадцатилетняя Елена Андреевна стала невестой, а затем и женой Алексея Сергеевича Некрасова. Поздней осенью, 11 ноября 1817 года, в местечке Юзвин, в церкви, находившейся в имении отца невесты, состоялась свадьба, после которой молодые поселились в Литине, где и прожили несколько лет. В 1820 году у них родился сын Андрей, в 1821-м - дочь Елизавета. К этому времени Алексей Сергеевич служил уже в 36-м егерском полку, стоявшем по соседству, - в Немирове. Здесь-то и родился у них третий ребенок - сын Николай, а вслед за ним - дочь Анна (1823) и сын Константин (май 1824); позднее, в Грешневе, родился Федор (28 февраля 1827). В Немирове Некрасов, уже имея чин штабс-капитана, а потом и капитана, прослужил до января 1823 года, когда по болезни был "уволен от службы" в чине майора.

Брак этот был во многом неравный и не сулил ничего хорошего юной Закревской. Впоследствии у Некрасова-сына сложилось даже представление, что свадьба была сыграна без согласия родителей невесты, вопреки их воле. Вряд ли это было так, но нетрудно себе представить, что солдафон, картежник и гуляка мало привлекал родителей в качестве мужа их любимой дочери. В одном из автобиографических набросков, сделанных в конце жизни, поэт так объяснял недовольство Закревских: "Армейский офицер, едва грамотный, и дочь... богача - красавица, образованная, певица с удивительным голосом..."

Не сохранилось никаких сведений о том, как жила семья Некрасовых в Подольской губернии. До недавнего времени даже не было известно, где именно родился будущий поэт; да он и сам этого в точности не знал, в большинстве биографических очерков (как старых, так и выпущенных в наше время) местом его рождения обычно называли село (имение) Грешнево Ярославского уезда, в котором протекало его детство. Теперь же благодаря вновь обнаруженным документам {См. сообщение А. В. Попова "Когда и где родился Некрасов?". "Литературное наследство", т. 49-50. М., 1946.} установлено точно, что Николай Алексеевич Некрасов родился в местечке Немирове 28 ноября (10 декабря) 1821 года {В дальнейшем все даты даются только по старому стилю.}. По-видимому, в конце 1824 года (но не раньше октября) Алексей Сергеевич вместе с семьей переехал в Ярославскую губернию, в свое родовое имение Грешнево.

Маленький Некрасов обладал удивительной памятью. И, несмотря на то, что ему было всего около трех лет, он на всю жизнь запомнил, как экипаж, в котором он вместе с братьями и сестрами очень долго ехал, остановился у подъезда, как внесли его на руках в темные комнаты, в одной из них был наполовину разобран пол, а в другой он увидел двух старушек в очках,

сидевших перед нагоревшей свечой и вязавших чулки... Это были мать и тетка Алексея Сергеевича.

Так началась новая жизнь в родовой усадьбе, оставившая глубокий след в душе будущего поэта.

Сельцо Грешнево, "усадьба господ Некрасовых", стояло на столбовом почтовом тракте, между Ярославлем и Костромой, в каких-нибудь двадцати верстах от Ярославля. Барский дом выходил прямо на дорогу, а называлась она тогда Сибиркой, или Владимиркой. Это была та самая знаменитая Владимирка, по которой немало прошло людей, осужденных на каторгу и ссылку. В воспоминаниях Некрасова говорится об этой дороге: "... все, что по ней шло и ехало и было ведомо, начиная с почтовых троек и кончая арестантами, закованными в цепи, в сопровождении конвойных, было постоянной пищей нашего детского любопытства". "Во всем остальном, - продолжает Некрасов, - грешневская усадьба ничем не отличалась от обыкновенного типа тогдашних помещичьих усадеб; местность ровная и плоская, извилистая река (Самарка), за нею... перед бесконечным дремучим лесом - пастбище, луга, нивы. Невдалеке река Волга. В самой усадьбе более всего замечателен - старый обширный сад..." Детские впечатления навсегда врезались в память Некрасова. В стихах о старом помещичьем доме, об отце-рабовладельце, о страданиях матери, о бурлаках на волжском берегу, о крестьянских детях и многом другом - мы находим правдивую и скорбную повесть о трудном детстве поэта.

Перечитаем эти стихи:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть...

Конечно, в некрасовской "Родине" говорится не только о детстве и об отце, здесь вся трагедия крепостного быта, подневольной жизни, где все подавлено неукротимой властью помещика, где барским псам предоставлено больше прав, чем забитым и запуганным людям.

У Некрасова нет и в помине элегических раздумий и сожалений по поводу гибели - пока еще воображаемой - дворянской усадьбы с ее тишиной и очарованием. Наоборот, с отрадой наблюдает он упадок поместного быта, оскудение родового гнезда своих "отцов", видя в этом справедливый финал их бесплодной и преступной жизни.

* * *

Отец поэта принадлежал к старинному, но обедневшему роду дворян Некрасовых, происходивших из Орловской губернии. Еще в молодые годы и он, и его братья избрали военную карьеру. В литературе есть упоминание (главным образом, со слов поэта) о том, что Алексей Сергеевич принимал участие в Отечественной войне 1812 года, а его братья погибли в Бородинском сражении {Впрочем, сведения эти исследователями оспариваются.}. Во время службы своей в Подольской губернии он был в течение некоторого времени адъютантом П. Х. Витгенштейна, командовавшего армией, расположенной на юге страны. Судя по всему, Алексей Сергеевич был типичный служака из дворян-крепостников, - один из тех, на кого опирались жестокие законы армейской жизни того времени. Уверенный в справедливости этих законов, он был чужд каких бы то ни было умственных интересов. Офицерские похождения, безудержный разгул и карты наполняли его жизнь в часы, свободные от службы. Однажды, много лет спустя, сын спросил у отца о прошлом своего рода. Алексей Сергеевич ответил:

- Предки наши были богаты, прапрапрадед ваш проиграл семь тысяч душ, прапрадед - две, дед (мой отец) - одну, я ничего, потому что нечего было проигрывать, но в карточки поиграть тоже любил...

Тотчас по возвращении в свою усадьбу (в эти годы он обладал всего сотней душ крепостных обоого пола) Алексей Сергеевич принялся наводить в ней суровый порядок. От природы он обладал деспотическим характером, а годы военной службы укрепили в нем склонность к властолюбию, черствость души. К тому же он был глубоко убежден в незыблемости священного помещичьего права полновластно распоряжаться жизнью и судьбой крепостных крестьян. Свято верил он и в то, что крестьяне обязаны заботиться о благе и процветании своего помещика. Поэтому он ввел самую тяжелую барщину, при которой крепостным вовсе не оставалось времени для работы на себя. "Всю неделю работали для него, а для себя только по ночам да по праздникам", - вспоминал один из грешневских крестьян.

Среди поощрительных мер в малоодоходном некрасовском имении преобладали розги и кулачная расправа. Все грешневские старожилы, которых в начале нашего века удалось найти и расспросить биографам поэта, в один голос подтвердили, что наказания на конюшне были самым обыкновенным явлением в Грешневе. Местный житель Платон Прибылов подтвердил, что Алексей Сергеевич "крестьян часто сек, особенно за пьянство". Случалось, что во время охоты псари избивали по барскому приказу какого-нибудь ловчего или егеря за самую мелкую оплошность.

Охота, кстати сказать, занимала очень большое место в быту Некрасова-отца и была поставлена на широкую ногу. Конечно, это пагубно отражалось на его бюджете. Едва сводя концы с концами, он тем не менее держал до двадцати псарей и множество собак самых отменных пород {В одном из писем А. С. Некрасова (от 22 ноября 1856 года) говорится: "... с 1 августа начал я охотиться; охота шла довольно хорошо, зайцев по 14 ноября затравлено 634, лисиц три... Борзых есть у нас 20, гончих 24, те и другие отличные". Письмо относится к тому времени, когда охотничье хозяйство Алексея Сергеевича уже шло к упадку. Количество загубленных зайцев не должно нас удивлять: дело в том, что заячье мясо, засоленное в бочках, всю зиму ели и господа и дворня; шкурки же шли на продажу.}.

Алексей Сергеевич вполне мог бы отнести к себе слова водевильного куплета, сочиненного Некрасовым-сыном:

Дорога моя забава,
Да зато и веселит, -
Об моей охоте слава
По губернии гремит!

В стихотворении "Псовая охота" с документальной точностью описана эта дорогая барская забава, наводившая ужас на окрестные селения; поэт не забыл упомянуть о перепуганных детях, о затоптанных полях, об избитом арапником крестьянском парне...

Отец нередко брал сына на охоту, потому-то уже в юные годы ему приходилось не только стрелять в глухарей и вальдшнепов, но и травить волков. В одном из поздних набросков Некрасов отметил: "В пятнадцать лет я был вполне воспитан, Как требовал отцовский идеал: Рука тверда, глаз верен, дух испытан".

Выжимая все, что можно из крестьянского скудного хозяйства, Алексей Сергеевич все-таки не мог обеспечить благосостояние имения; ему приходилось изыскивать разные дополнительные средства обогащения. Например, одно время он держал на Костромской дороге нечто вроде почтовой станции ("почтовую гоньбу", как тогда говорили); это значило, что определенный участок дороги обслуживался лошадьми из некрасовской конюшни. Колоритное свидетельство об этом сохранилось на страницах газеты "Ярославские губернские ведомости", где Алексей Сергеевич довольно часто публиковал самые разнообразные сообщения. В двух номерах этой газеты (№ 51 за 1847 год, № 1 за 1848 год) можно прочесть следующее:

"1 января 1848-го года Ярославского уезда в сельце Грешнево на 23 версте от Ярославля выставлены будут от помещика майора Некрасова лошади для вольной гоньбы, в перемене коих никто из проезжающих из Ярославля прямо в Кострому и обратно не встретит ни малейшего замедления; плата же назначается 8 копеек, полагая на ассигнации, с лошади за версту".

Расточительный, когда дело касалось охоты и псарни, Алексей Сергеевич в других случаях отличался необычайной скарредностью, даже алчностью. Достаточно сказать, что почти всю жизнь он вел тяжбы, обнаруживая удивительную ловкость и настойчивость в стремлении отсудить хотя бы незначительную денежную сумму.

В своей трехтомной биографии Некрасова В. Евгеньев-Максимов рассказывает (по материалам ярославского архива), что вскоре после возвращения в родовое имение Алексей Сергеевич начал тяжбу со своей сестрой Татьяной Сергеевной {В. Евгеньев-Максимов ошибочно называет ее Еленой Сергеевной. См. статью А. Ф. Тарасова Новые архивные материалы о семье Некрасовых, в кн.: "О Некрасове, статьи и материалы", вып. 2. Ярославль, 1968, стр. 265.}; предметом тяжбы был один "беглый человек", - крепостной крестьянин Степан Петров, пойманный уже после того, как был произведен раздел состояния между братьями и сестрами Некрасовыми. Процесс тянулся много лет и закончился полной победой брата, умножившего свое крепостное богатство ровно на одну "душу". Не довольствуясь этим, он возбудил новое дело против сестры, требуя возмещения судебных издержек. И в этом случае суд оказался на стороне Алексея Сергеевича.

Предметом другого, более крупного процесса, который в течение нескольких лет вел отец Некрасова, явились имения во Владимирской и Симбирской губерниях, где крестьяне были доведены до полной нищеты. "Вся жизнь его была посвящена этому процессу", - отмечает Некрасов-сын в своих автобиографических заметках.

Но бывали случаи, когда коса находила на камень. Так около 1847 года Алексей Сергеевич сам оказался под судом. Ярославский почтмейстер привлек его к ответственности за нанесение побоев смотрителю почтовой станции. Дело это тяготело над Некрасовым больше десяти лет.

* * *

Мрачная обстановка грешневской усадьбы легко могла бы погубить натуру податливую, растлить душу нестойкую. Разве мало известно примеров, когда на крепостных хлебах вырастали люди очерствелые, бездеятельные, духовно опустошенные? И кто знает, как пошло бы -развитие юного Некрасова, если бы не оказалось сил, способных противостоять жестким нравам крепостного времени.

Прежде всего надо вспомнить о его матери - Елене Андреевне. Может быть, ни один поэт не посвятил столько проникновенных строк своей матери, как Некрасов. И это легко понять: роль матери в его жизни была велика и благотворна. "Во мне спасла живую душу ты!" - восклицал он. Вот почему светлый образ матери так прочно вошел в некрасовскую лирику. Во всем противоположная своему мужу, Елена Андреевна была в его доме явлением как бы иного мира. "Русокудрая, голубоокая, с тихой грустью на бледных устах", она меньше всего была похожа на помещицу, барыню, владелицу усадьбы. С молчаливым осуждением наблюдала она разгульную жизнь и жестокость помещика, который был ее мужем, и первая принимала на себя ярость его гнева. А поводов для гнева было достаточно. К Елене Андреевне приходили искать защиты и помощи грешневские крестьяне, и она как могла помогала им. Она вступалась за своих детей, когда им угрожало несправедливое наказание, или просто старалась уберечь их от неприглядных сцен, разыгрывавшихся в доме. Все это вызывало крайнее раздражение Алексея Сергеевича, не желавшего ни в чем себя ограничивать. Со слов грешневских крестьян известно, что он позволял себе поднимать руку на жену. "Грозный властелин", державший "под страхом всю семью и челядь жалкую свою", Алексей Сергеевич, не задумываясь, унижал достоинство своей жены, не церемонился с детьми. Поразительные строки обнаружил среди некрасовских рукописей К. И. Чуковский, - ему удалось расшифровать следующий черновой набросок:

"Чай не хорош..." - и чашку опрокинул,
И Аграфену приказал позвать
И ей ему чай сделать...
Вдруг отец
Сказал: "садись", и села Аграфена,
И нагло посмотрела на нее,
На мать мою...

За каждым словом этого незавершенного отрывка угадывается драматическая ситуация. Не следует думать, что подобные сцены обязательно имели место в Некрасовском доме. Перед нами, по всей вероятности, набросок художественного произведения. Но это не меняет того факта, что, обращаясь к грешневским воспоминаниям в зрелые годы, поэт допускал возможность такой ситуации. Исследователем семейного быта Некрасовых {См.: А. Ф. Тарасов, Новые архивные материалы о семье Некрасовых, в сб.: "О Некрасове, статьи и материалы", вып. 2. Ярославль, 1968, стр. 267-268.} доказано, что в 1838 году (год отъезда будущего поэта в столицу) грешневской крепостной Аграфене было всего четырнадцать лет. Она поселилась в барском доме только спустя несколько лет после смерти Елены Андреевны. Алексей Сергеевич, оставшийся к этому времени почти в одиночестве (одни дети разъехались, другие умерли), облеч Аграфену большой властью, сделал ее "домоправительницей" (Анна Алексеевна, сестра Некрасова, в своих воспоминаниях так и называет ее: "домоправительница Аграфена Федоровна"), а около 1850 года дал ей "вольную"; позднее благодаря его стараниям она стала именоваться ярославской мещанкой. С малых лет Коля Некрасов был горячо привязан к матери. Нетрудно представить себе: чем больше отталкивал его от себя отец и чем больше невзгод выпадало на долю матери, тем сильнее были его сочувствие и тяготение к ней. Многие часы проводили они вместе. Не раз случалось им, обнявшись, плакать где-нибудь украдкой. И в стихах своих Некрасов часто вспоминал и нежный голос матери, и ее "печальный взор", и "тихий плач", и "бледную руку", ласкавшую его, когда в сумерках они сидели "у догоравшего огня"... Но не одна только безропотная покорность судьбе отличала Елену Андреевну. Нет, как ни трудно было ей противостоять необузданному характеру мужа, однако и ему порой приходилось отступать перед ее твердостью, когда речь шла о детях, когда их надо было уберечь от "безумных забав" отца. И не напрасно, конечно, Некрасов называл свою мать святой, подвижницей - подвижничество невозможно без упорства и силы, без стойкости духа. А в поэме "Мать" говорится даже, что она могла бы дать "урок железной воли" для русской женщины, которой судьба оставила мало сил для борьбы. Так высок был в глазах сына нравственный авторитет его матери.

Елена Андреевна получила довольно широкое по тем временам образование: она вместе со своими тремя сестрами воспитывалась в женском пансионе в Виннице, где изучала языки, в том числе польский, знакомилась с иностранной литературой. Она хорошо играла и пела. Позднее Некрасов засвидетельствовал, что первые понятия о Данте и Шекспире он получил от матери: она умело превращала их творения в "сказки" о рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данте и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.

Лишь в зрелые годы Некрасов мог полностью осознать, в каком вопиющем несоответствии находились умственные интересы его матери и дикарские нравы окружающей среды, какая пропасть отделяла ее от мужа.

И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
Где ты душой, страдалница, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...

Характерно, что псарня не раз появляется у Некрасова как некий символ помещного быта крепостной поры.

Уже на склоне дней, подводя итоги прожитой жизни, Некрасов писал давно начатую поэму "Мать" - гимн ее памяти. Поэт утверждал здесь: все, что было в нем хорошего, вся неутомимая его борьба "за идеал добра и красоты", - все было навеяно матерью, ее воспитанием, ее чистым и светлым образом. Тогда же, смертельно больной, уже не встававший с постели, Некрасов читал знакомым отрывки из этой поэмы. "... Он вспоминал о матери с такой любовью, - писал один из его слушателей, - с такой трогательной нежностью, он приписывал ей такое громадное влияние на всю свою жизнь и рисовал ее образ в таком поэтическом ореоле, что для меня вполне стала понятна восторженность, с какой он вспоминал о матери в прежних своих стихотворениях..."

* * *

Там, где кончался желтый деревянный забор некрасовского сада, начиналась длинная улица сельца Грешнева, шли в два ряда крестьянские избы. По ту сторону решетчатого забора было излюбленное место игр деревенских ребятишек, и сюда-то как магнитом притягивало маленького Колю. "Никакие преследования не помогали", - вспоминает его сестра Анна Алексеевна, хорошо знавшая, что отец запрещал детям общение с деревней. Коля же ничто так не любил, как эти запретные игры с крестьянскими ребятами, среди которых имел немало друзей-приятелей. Он даже проделал в заборе специальную лазейку и, как говорится в тех же воспоминаниях, "при каждом удобном случае вылезал к ним в деревню, принимал участие в их играх, которые нередко оканчивались общей дракой".

Сверстники подрастали, но дружба между ними не ослабевала. Будучи гимназистом, Некрасов приезжал из Ярославля на каникулы и по целым дням пропадал с приятелями в лесах - совершали грибные походы, удили рыбу, бегали купаться на Волгу. Одним из любимых развлечений было ходить на "большую дорогу", по которой беспрестанно шли и ехали самые разные люди, и прежде всего - "рабочего звания люди сновали по ней без числа" (так сказано в "Крестьянских детях"). Под густыми вязами, окаймлявшими усадьбу, любили отдыхать усталые путники, и тут-то их обступали ребята, и начинались рассказы - "про Киев, про турку, про чудных зверей..."

Случалось, тут целые дни пролетали...
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Разнообразные впечатления невиданно расширяли горизонты грешневской усадьбы.

Общение с крестьянскими детьми оказало влияние на всю дальнейшую жизнь Некрасова. У него не было даже малейших признаков сословного чванства или дворянских предрассудков. Скорее, наоборот: его постоянно мучила мысль о своей вине перед грешневскими крестьянами. Еще в сравнительно ранней "Родине", написанной в 1846 году, он с горечью упоминал, что в родных местах ему иной раз приходилось чувствовать себя помещиком ("где иногда бывал помещиком и я"). Уже в зрелые годы, наезжая в Грешнево, Некрасов, по собственным словам, "чувствовал какую-то неловкость", хотя сам же не раз с гордостью говорил, что ел крепостной хлеб только до шестнадцати лет и никогда не владел крепостными.

Грешневские крестьяне, со своей стороны, платили Некрасову самой бескорыстной симпатией, ибо видели в нем не барина, а старого знакомого, товарища по детским играм, позднее же - по охоте. И Некрасов, уже будучи петербургским писателем, всегда любил вспоминать свои встречи с грешневцами:

Все-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.

Некрасов имел полное право сказать так. Поясняя эти строки, он писал в своей автобиографии: "Я постоянно играл с деревенскими детьми, и когда мы подросли, то естественно, что между нами была такая короткость..." Вместе с деревенскими своими друзьями юный Некрасов часто бывал на волжском берегу. Волга текла недалеко от усадьбы, не меньше шести-семи верст надо было пробежать полями и деревнями, но зато здесь

начиналось настоящее раздолье. Не отрываясь, часами можно было любоваться вольным простором великой реки. И мы знаем из некрасовских стихов, как часто любовался он ею, как много значили для него эти дни, проведенные на невысоком песчаном берегу.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темноглубым волнам,
Я убегал к родной реке...

Лениво катятся речные волны. Над водой в летний жаркий полдень дремлют чайки, усевшись плотными рядами, с лугов несется крик перепелов. Вдали, на острове, виден монастырь, откуда временами слышится колокольный звон... Мирные, безмятежные картины!

Но не остается и следа от этой тишины, исчезает вся безмятежность, когда на берегу покажется толпа бурлаков; почти пригнувшись головой к ногам, они тянут, напрягаясь из последних сил, огромную расшиву, и воздух оглашается их тяжким стоном.

И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик -
И сердце дрогнуло во мне.

Подросток Некрасов был потрясен до глубины души, когда впервые увидел бурлаков. Их тяжелый, нечеловеческий труд, их крики и стоны испугали, оглушили его, заставили рано задуматься над такими вопросами, которые обычно не приходят в голову детям. Недаром он крепко запомнил все, что увидел тогда, и позднее почти с документальной точностью воплотил в поэтических образах.

Ему случалось близко подходить к привалам, которые делали бурлаки; он приглядывался к обессиленным людям, прислушивался к их разговорам (хотя и не все понимал в них). Один из таких разговоров почти дословно воспроизведен в стихотворении "На Волге", что подтверждается свидетельством Чернышевского. В своих заметках о Некрасове он сообщает, как однажды поэт, рассказывая ему о своем детстве, припомнил разговор бурлаков; пересказав его, Некрасов прибавил, что думает воспользоваться им в одном из будущих стихотворений. "Прочитав через несколько времени пьесу "На Волге", - продолжает Чернышевский, - я увидел, что рассказанный мне разговор бурлаков передан в ней с совершенною точностью, без всяких прибавлений или убавлений; перемены в словах сделаны лишь такие, которые были необходимы для подведения их под размер стиха..."

Образ угрюмого и тихого бурлака с больным плечом, который в некрасовском стихотворении говорит: "А кабы к утру умереть, так лучше было бы еще", - на всю жизнь остался в памяти поэта, хотя он услышал его слова в детские годы. "Он и теперь передо мной", - писал Некрасов об этом бурлаке много лет спустя, в 1860 году, вспоминая его болезненное лицо и "выражающий укор спокойно-безнадежный взор".

Некрасов сам рассказал о том, какое влияние оказали на него встречи с бурлаками, как они заставили его, подростка, по-новому взглянуть на мир. Даже самая природа потускнела в его глазах, вся ее красота померкла, когда он, потрясенный, снова прибежал на волжский берег:

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко свежая трава...

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал,
Пусть умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

В этих словах все знаменательно. Их автобиографический характер не вызывает сомнений (вспомним свидетельство Чернышевского!), хотя очевидно, что детские впечатления здесь осмыслены уже зрелым поэтом и освещены мыслью, которой, конечно, не могло быть у подростка.

Особенно интересны последние пять из приведенных строк, в которых речь идет о "клятвах". Зрелище нечеловеческого труда бурлаков внушило юному Некрасову мысль о социальной несправедливости, об ужасах рабства, и он, созвав своих товарищей, то есть крестьянских детей, среди них дал клятву посвятить себя борьбе за справедливость, за то, чтобы не раздавался, над его любимой рекой "похоронный крик" измученных людей.

* * *

В конце августа 1832 года Алексей Сергеевич Некрасов "представил для обучения" в ярославскую гимназию двух своих сыновей - Андрея и Николая. Первому в это время было двенадцать, а второму одиннадцать лет. Братья Некрасовы поселились на частной квартире, неподалеку от гимназии, вместе с крепостным дядькой, который обязан был кормить мальчиков и присматривать за ними. Но после деревенского "однообразия" Ярославль открыл перед крепостным наставником столько соблазнов, что у него пропала всякая охота заниматься обслуживанием двух гимназистов. Он просто выдавал им на руки понемногу денег, а те, очень довольные этим, запасались хлебом и колбасой и нередко вместо гимназии отправлялись на загородные прогулки - с утра до вечера.

Все это продолжалось до того дня, когда мальчики, возвращаясь однажды домой, к ужасу своему, увидели разгневанного отца, до которого дошли слухи об их привольной жизни. У "крепостного ментора" обе скулы были уже "сильно припухши", и он был немедленно отправлен в деревню, а к мальчикам приставили другого надзирателя, более строгого.

Новый наставник также оказался не на высоте. Братья очень скоро подметили его слабое место: уложив их спать, он любил посидеть за чаркой. Выждав, пока он уснет, мальчики вылезали из окна и отправлялись в трактир, где маркером был также крепостной их отца, отпущенный по оброку; там они практиковались в игре на бильярде и быстро приобретали в ней большие познания.

В первом классе Николай Некрасов учился хорошо и часто сидел на первых партах, куда в те времена сажали лучших учеников (перемена мест происходила ежемесячно). Но в дальнейшем его успехи были более чем скромны, о чем свидетельствуют сохранившиеся отметки. Что касается Андрея, от природы вялого и болезненного, то он учился еще хуже.

Братья Некрасовы часто не ходили на занятия, иной раз по несколько месяцев подряд - по болезни; однако настоящая причина их отставания была, конечно, в другом. В гимназии господствовали рутинная и схоластика. Многие учителя слабо знали свой предмет и вели занятия по учебнику. Не только физику или зоологию, но даже словесность преподаватель-чиновник умудрялся сделать невыносимо скучной для учащихся. В его понимании эта наука сводилась к риторике и пиитике, сама литература даже в ее лучших образцах почти отсутствовала на

занятиях. Надо ли удивляться, что гимназические курсы вызвали мало интереса у воспитанников?

Товарищи любили Некрасова за живой, общительный характер и особенно за увлекательные рассказы, на которые он был большой мастер. Его одноклассник М. Н. Горошков вспоминает, как Некрасов, коренастый, стриженный, небольшого роста, облаченный в форменный однобортный сюртук со светлыми пуговицами, по переменам собирал вокруг себя гимназистов и после скучного урока начинал рассказывать им всякие истории из деревенской жизни, которую хорошо знал. По выражению Горошкова, эти его рассказы были "проникнуты народом".

В эти годы Некрасов много читал, хотя круг чтения его, разумеется, был узок. Где он доставал книги? В гимназической библиотеке, обращался к учителям гимназии. Кроме того, в грешневской усадьбе была какая-то, вероятно очень небольшая, библиотечка. Об этом свидетельствует поздний стихотворный набросок Некрасова, посвященный юности и содержащий строку: "Я рылся раз в заброшенном шкафу..." Конечно, в этом шкафу были книги, принадлежавшие его матери и привезенные ею когда-то из родительского дома. Разве не об этом говорит Некрасов в поэме "Мать", та" где описан приезд героя в опустевшую усадьбу после смерти матери:

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издалека...

Гимназисты привыкли видеть Некрасова с книгой в руках. Чтением он нередко был занят и во время классных занятий, за что постоянно рисковал подвергнуться наказанию. В это время познакомился он с Байроном, Жуковским, Пушкиным; прочитал "Евгения Онегина" и оду "Вольность". Тогда же "начал почитать журналы", как сказано в одном из автобиографических набросков, в том числе "Московский телеграф" и "Телескоп" - передовые журналы того времени. В "Телескопе" он мог встретить ранние статьи Белинского и Герцена. Тогда же Некрасов начал писать стихи - сначала сатиры на товарищей, а затем и лирику, конечно, еще несамостоятельную и незрелую, о чем он сам позднее вспоминал: "В гимназии я ударился в фразерство... Что ни прочту, тому и подражаю". Под фразерством Некрасов разумел свои подражания модным тогда поэтам вроде Бенедиктова, грешившим выпренностью, трескучими фразами, романтической безвкусицей.

Через некоторое время у пятнадцатилетнего гимназиста была уже целая тетрадь стихов; именно это, по собственному признанию автора, сильно подмывало его тогда же ехать в Петербург ("... Воображенью к столице юношу манит").

В июле 1837 года Николай Некрасов навсегда расстался с гимназией. И в этот последний год его успехи были все так же сомнительны, а когда подошла пора весенних переходных экзаменов, то оказалось, что по многим предметам он не аттестован и к экзаменам совершенно не готов. К тому же его отношения с гимназическим начальством еще раньше были испорчены одним странным обстоятельством: Алексей Сергеевич упорно отказывался вносить плату за обучение своих детей и вел по этому поводу нудную переписку с гимназией: пытался всячески оттянуть неприятный день выплаты денег.

Словом, дела складывались так, что юному Некрасову ничего не оставалось, как, покинув гимназию, отправиться домой. В прошении его отца, поданном в гимназию, это мотивировалось так: "Сын мой Николай... по расстроенному его здоровью взят был мною для пользования в дом мой и продолжать науки в гимназии не мог..."

В Грешневе он провел целый год. Как раз в это время Алексей Сергеевич занимал (немногим больше полутора лет) должность уездного исправника, то есть полицейского чиновника. По делам службы ему приходилось ездить по окрестным селам, разбирать всевозможные дела, вести следствия и т. п. Иногда случалось ему брать с собою сына, которому было в это время уже шестнадцать лет. Вот почему, как сообщает один из первых биографов Некрасова, М. М. Стасюлевич, юноше не раз приходилось присутствовать "при различных сценах народной жизни, при следствиях, при вскрытии трупов, а иногда и при

расправах во вкусе прежнего времени. Все это производило глубокое впечатление на ребенка и рано в живых картинах знакоило его с тогдашними, часто слишком тяжелыми условиями народной жизни".

Перед Некрасовым неумолимо вставал вопрос "о своей участи", о том, что делать дальше. Все размышления по этому поводу приводили к решению ехать в столицу, в Петербург, и там искать счастья. Предотъездные дни его были омрачены смертью давно болевшего любимого брата Андрея. Свои чувства потрясенный Некрасов тогда же выразил в стихотворении "Могила брата" (позднее оно вошло в сборник "Мечты и звуки").

Отец не сразу, но все-таки без особенного труда согласился отпустить сына, но поставил неременное условие: он хотел, чтобы сын получил военное образование, для чего поступил бы в Дворянский полк - так называлось тогда военно-учебное заведение для детей дворян.

Однако Некрасова меньше всего привлекала военная служба. Он думал об университете, о литературных занятиях, и эти мысли впервые были внушены ему матерью, вовсе не хотевшей видеть своего сына военным. По этому поводу сохранилось свидетельство Чернышевского: Некрасов сам рассказывал ему подробности, какими сопровождалась подготовка его к отъезду из родного дома. "Мать хотела, чтоб он был образованным человеком, - пишет Чернышевский, - и говорила ему, что он должен поступить в университет, потому что образованность приобретается в университете, а не в специальных школах. Но отец не хотел и слышать об этом; он соглашался отпустить Некрасова не иначе, как только для поступления в кадетский корпус. Спорить было бесполезно, мать замолчала... Но он ехал с намерением поступить не в кадетский корпус, а в университет..."

Желание покинуть стены мрачного отцовского дома было столь велико, что молодой человек, не колеблясь, согласился на условия отца, хотя у него и в мыслях не было делать военную карьеру.

20 июля 1838 года, вырвавшись из объятий матери и любимой сестры Елизаветы, он сел в тряскую телегу и отправился в далекий Петербург. На каждой почтовой станции путник пересаживался в новую телегу, и так за шесть-семь дней он должен был добраться до столицы. Он ехал, ликуя при мысли о том, что ему удалось "надуть отца" притворным согласием поступить в Дворянский полк. В кармане его лежали тетрадка стихов, сто пятьдесят рублей ассигнациями и свидетельство о том, что он столько-то лет обучался в ярославской губернской гимназии.